

**НЕОБЫЧНЫЕ СЛОВА И ФОРМЫ СЛОВ В КНИГЕ ВТОРОЙ
«ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД» ТРИЛОГИИ А.Н. ТОЛСТОГО
«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ»**

Аннотация. Необычные слова и формы слов помогли автору романа представить предметом изображения не только судьбы героев, но и исторические события гражданской войны в России, великого и страшного 1918 года, по сути, социальные потрясения эпохи. Интерес к этому времени сегодня закономерен. Оно достаточно заметно перекликается с тем, что переживает наша страна и в основе весь мир в нынешние дни – почти сто лет спустя.

Ключевые слова: необычные формы слов, необычные слова, лакуны, элимантемы, новообразования.

Необычные слова и формы слов – структуры асистемные. Имеется в виду, что конструируются они с нарушениями общих правил русского слово- и формообразования, по сути через преодоление противодействий их построению. Эти единицы речи в значительной мере формируют исключительные качества анализируемого романа о гражданской войне «Восемнадцатый год», что помогает нам лучше разглядеть происходящее уже сегодня и в нашей стране, и в мире. Такие образования в художественной речи писателя демонстрируют не только возможности русского языка, его состояние в описываемые мгновения, но рассказывают и о его положении в дни сотворения произведения. С этих позиций важно, что время создания романа и время созидания «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова [Ушаков 1994] примерно одна эпоха. Иначе говоря, данные этого словаря, также произведения, но уже не в трёх, а четырёх томах, справедливо рассматривать в качестве базовых для понимания глубины «случающегося» время от времени с Россией, соотнося их в т.ч. и с материалами, получаемыми из источников нынешнего, а то и последнего времени.

Очень интересны нам встреченные в романе существительные, «лексические значения которых препятствуют выражению отношений «единичность–множественность» [РГ-80]. В нашем списке есть небольшая, но группа слов, которые, вопреки безусловным запретам означенного словаря, встречаются, тем не менее, у А.Н. Толстого в форме мн.ч., выступая тем самым в качестве элимантем, заполняющих интраязыковые морфологические лакуны этих же существительных ед.ч.

В романе писателя, несмотря на рекомендации составителя словаря не употреблять его в обоих своих значениях во мн.ч., именно в такой форме обнаружено существительное *провокола*. Слово *провококи* во 2-ом значении явлено в споре Вадима Рощина с его боевым товарищем в годы Первой Мировой войны подполковником Тетькиным о судьбах великой России, которая гибнет уже на полях гражданской войны, непонятно во имя чего. Тетькин, в отличие от Рощина, уже видит, что великая Россия в понимании петроградского высшего света или московского торгового совещания – это совсем не то же самое, что в представлении стрелкового полка, в котором он вместе с Вадимом служил, полка, «геройски погибшего на *провоколах*». Правота Тетькина осознаётся ещё острее, когда интересующийся историей России читатель в дальнейшем ещё и узнаёт, что не на поле боя, нет, в Большом театре, небезызвестный депутат Государственной Думы царской России некто Рябушинский «рыдал о великой России». *Проволоки* в романе, таким образом, т.е. *проволочные* заграждения, – это некая непреодолимая граница, некий водораздел между сытым болтуном Рябушинским и иже с ним и теми сослуживцами Рощина и Тетькина, которые, по-настоящему болея её болями, жизни свои положили во имя великой России.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова у слова *дым* форма мн.ч. запрещена только в первом из двух его значений. Однако в таком «обрамлении», скорее всего, это существительное и задействовано в произведении А.Н. Толстого. Рассказывая о поездке на поезде жены Вадима Рощина Екатерине Дмитриевны во времена смуты из Ростова на юг, писатель пишет: «Поплыли заливные луга, донские плавни, *дымы* на горизонте, туманные очертания не покорившегося немцам Батайска». Вряд ли в этом случае слово *дым* представлено во втором с пометой «истор.» значении «жилё, отдельный дом», да ещё в соответствии с примером в словаре «платить дань с *дыма*». По-видимому, *дымы*, как летучие продукты горения, в романе – это то, что в значительном объёме сопровождает страну в дни военного лихолетья, а само существительное *дымы* – не больше чем элимантема этого же слова в форме ед.ч. Лексические значения обоих слов в контексте произведения в итоге доведены до такого, чтобы не противодействовать, не препятствовать выражению отношений единичность-множественность.

Достаточно необычными, хотя не в той мере, что в предыдущих примерах, видятся нам обнаруженные в романе в форме мн.ч. существительные *бани*, *бахчи*, *вальсы*, *булдыжники*, *занавесы*, *ловли*, *мотни*, *одежды*, *мазурки*, *подсолнечники*, *туманности*, *тундры* и т.д. Ситуа-

ция непростая. С одной стороны, нет явных, лексического свойства, противодействий их образованию в речи и даже в языке, о чём часто чётко говорится в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова. С другой стороны, частотность их употреблений невысока настолько, что уж точно в этом плане позволительно говорить об их необычности. В любом случае, структуры это разные.

Существительное *туманности* представлено в романе в следующем контексте. Рассказывая о бытии в наполненной заговорами Москве одной из героинь повествования Даши Телегиной, писатель сообщает, как во время посещения ею писательского кафе на известной многим улице Тверской «кто-то взмахнул руками, кинулся сквозь табачные *туманности* и шлёпнулся рядом...». Как ни удивительно, это слово вряд ли может быть отнесено к числу безусловно необычных. Из семи значений этого слова только в седьмом словарь допускает возможность его употребления в форме мн.ч. В романе, судя по всему, анализируемое существительное и использовано с опорой на эту его специфику. В итоге получается, что необычность слова по сути целесообразно связывать лишь с невысоким индексом частотности его употребления в какой угодно, в т.ч. художественной речи.

Примечательно «смотрится» у А.Н. Толстого в романе существительное *скреещение*. В словаре в своих первых двух значениях оно не допускает образования форм мн.ч., в отличие от этого же образования, но уже в третьем значении. Именно в таком своём качестве, с натяжкой, но именно таким, обнаружена конструкция *скреещения* в повествовании писателя, являясь обозначением некоего листа, «в котором пересекаются, *скрециваются* два или несколько предметов». У А.Н. Толстого в одном из эпизодов «в скречиваниях получалась теснота, где работали белогвардейские шпионы». С необычностью существительное *скреещение* может связывать, тем более в форме мн.ч., разве что в принципе невысокая частотность его употребления в текстовых структурах.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова любопытно представлены два слова – омонимы *мотня* и *мотня*. Нам интересен второй по списку омоним с пометой «обл.», у которого, в отличие от просторечного первого, допустимыми во мн.ч. полагаются употребления его в обоих его же значениях. В романе существительное в форме мн.ч. представлено во 2-ом значении, когда на тайных сходах сельских жителей заходит речь о необходимости сопротивляться немецкой оккупации. Дело, понятно, трудное, грозящее смертельной опасностью. По этой причине мужики осторожны, стараются не напугать друг друга без нуж-

ды. Один из сельчан Семён Красильников из последних сил на одном из таких сходов останавливает себя в желании призвать людей на борьбу с врагом, справедливо полагая по поводу сельчан, что «только напугаешь их, затрусят мужики *мотнями*, разбегутся». Означенное существительное даже во мн.ч. во втором значении («место в задней части штанов, в шагу, где сходятся штанины») в диалектной среде – явление обычное, однако в литературной речи, да и в разговорной, частотность его употреблений невысока, и поэтому в результате оно всё-таки может быть оценено как необычное, по сути являясь стилизацией под речь деревенского, не вполне образованного человека.

Что касается необычных самостоятельных слов, то в произведении писателя их немало. Интересно представлена в нём лексема *вплоть*. Рассказывая о неразберихе и предательствах в рядах Красной Армии, А.Н. Толстой повествует о поездке за помощью погибающему в сражении полку его комиссара Соколовского и Ивана Телегина, за помощью к тем, кто по сути и виновен в том, что эта беда случилась. Так вот, один из таких, некто начштаба армии, не препятствующий, а то и организовывавший эти действия, продуманно саботирующий безусловно необходимое в критических ситуациях, быстро познав слабые места в управлении красных, умея к месту, а часто и не к месту произносить слово «товарищ», поняв, что приехавших не успокоить и не обмануть, тем не менее с возмущением «вплоть подошёл к Соколовскому и Телегину», более того, «взглянув им в глаза диким взглядом». Как видно, слово *вплоть* фиксируется в анализируемом тексте не как безусловно усиительная частица, каковой она явлена в обоих своих употреблениях в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, полагаясь быть использованной «только в сочетании с предлогом «до». В произведении А.Н. Толстого структура *вплоть* – это, скорее всего, образование, находящееся на стыке между усиительной частицей и её собственно производящим – наречной конструкцией *вплоть*, имеющей также свою историю – от сочетания предлога «в» с существительным «плоть». По-видимому, семантическая трансформация усиительной частицы *вплоть* случилась – она на пути «возвращения» к своим истокам, находясь опять-таки на пути переосмысления в образовании наречное, выступая во вполне допустимом варианте в предложении в функции обстоятельства меры и степени. Иначе говоря, элиминация возможной семантической лакуны усиительной частицы в тексте романа в итоге произошла.

К числу необычных самостоятельных слов могут быть отнесены также следующие в произведении А.Н. Толстого в рамках одного пред-

ложения сразу одно за другим два «частеречно» разных образования – глагол и существительное. В романе ситуация выглядит таким образом. Образованный человек инженер Иван Телегин в ужасные зимние дни гражданской войны, выменяв на улице у инвалида свои валяные «за лимон» для страдающей от недоедания любимой жене Даше, желая дома угостить её сладким по случаю чаем, сообщает в разговорном стиле: «Дашенька, тут с лимончиком... А сейчас я *спроверю моргалку*». Нам интересны два последних слова. Относительно *моргалки*, то писатель поясняет, что «так называлось приспособление из железной баночки, где в подсолнечном масле плавал фитилёк». В словаре Д.Н. Ушакова этого существительного предсказуемо нет, образована метафора, как видно, несколько замысловато. Правда, опора на образцы словообразовательного толка у неё имеется. Это большой пласт популярных сегодня существительных, образуемых, при посредстве форманта *-алк-* (а) или иных подобного рода образований от глаголов несовершенного вида, обозначающих чаще всего предмет. К таковым могут быть отнесены сопоставления типа: *читать* – *читалка*, *стирать* – *стиралка*, *катать* – *каталка*, *точить* – *точилка*, *чистить* – *чистилка*, *вертеть* – *вертелка* и мн.др. Важно, что, в отличие от примера из романа, метафорическая составляющая означенных структур с формантом *-алк-*(а) и подобными проявляется не ярко, не выпукло, не выходит на первый план. Встретившись с существительным *моргалка* в тексте произведения, читатель, пусть и преодолевая некоторые противодействия, тем не менее, без значительных затруднений соотнесёт его с зафиксированным в словаре Д.Н. Ушакова производящим словом – глаголом *моргать*, имеющем в нём единственное значение – «часто опускать веки, на мгновенье закрывая глаза, и подымать их снова».

В связи со сказанным, никак не избыточно, что паре при разговорном существительном в романе представлен также разговорный, но уже глагол *спроверить* – в форме первого лица будущего простого времени. Необычность существительного, таким образом, явленная его принадлежностью к разговорному стилю, подтверждается в итоге по той же самой причине необычностью, управляющего им глагола, и наоборот, имея в виду, что означенная необычность существительного в значительной мере формирует необычность глагола, обеспечивая в конце концов метафорическое своеобразие всей конструкции в целом.

Удивительный в определенном смысле глагол *шомполовать* обнаружен в романе. Этого образования в словаре Д.Н. Ушакова нет; со значением же имеющегося в нём существительного *шомпол* его со-

держание связывается, если знать, что уже в первом, вышедшем после Великой Отечественной войны «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова в одном из стереотипных его изданий в словарной статье этого слова, традиционно обозначающем «стержень для чистки...-канала ствола ручного стрелкового оружия...», предложен пример с разъяснениями: «Дать *шомполов* (в старой царской армии; наказать, нанести удары такими стержнями)» [Ожегов 1990]. А.Н. Толстой ввёл в текст романа глагол *шомполовать* как не вполне обычное образование, одновременно тут же толкуя его значение. Рассказывая о наборах и мобилизации, происходящих в годы гражданской войны в стане белых, писатель с явным сарказмом негодует: «Возражать было нечего; ну что же, например, что генерал такой-то перепорол целый уезд *шомполами* (*шомполовал*, как тогда кратко выражались)». В результате, *шомполовать* – деяние безусловно преступное, а сам глагол – элимантема словообразовательной лакуны производящего существительного *шомпол* – сконструирован при посредстве достаточно продуктивного и частотного суффикса *-ова-* (*ть*).

В разговоре о необычных самостоятельных словах трудно пройти мимо встреченного у А.Н. Толстого в романе просторечного разговорного неологизма – существительного *большевизия*. Оно обнаружено в словесной перепалке самого разного рода и племени пассажиров, убегающих в более спокойные для привычной жизни места из залитого горем гражданского противостояния Ростова. Среди этих пассажиров в вагоне поезда находилась и совершенно неприспособленная к такому бытию Екатерина Дмитриевна Телегина. Так вот, слово *большевизия* явлено в услышанных ею размышлениях некоего интеллигента, который возмущён и сетует, что «задушили спекулянты», что «вот жене на именины две иголки подарил и шпульку ниток. А раньше дарил серьги с бриллиантами...», заключая: «Интеллигенция гибнет, вымирает...». В ответ же на реакцию непонятно какого социального статуса включившегося в беседу собеседника «Расстреливать спекулянтов без пощады...» он, наверное, «по-либеральи» проявив себя, возражает: «Ну, господин товарищ, здесь вам всё-таки не *большевизия*». Вряд ли, скорее всего, что человек, испытывающий симпатию к новой, нарождающейся власти, способен сконструировать такое новообразование (ср.: [Манаенко 2014]). С его помощью интеллигент, его употребивший, заявлен в романе как субъект, который, несмотря ни на что, несмотря на трудно выносимые и им лично условия реальной жизни при белых, существует памятью о сытом прошлом, о

былом и изменения, основанные в том числе на необходимости соблюдения непреложных принципов бытия, несущие его улучшения, всё одно ни в коем случае не приемлет. В конце концов получается, что не зафиксированное в словаре Д.Н. Ушакова существительное *большевизия*, являясь в произведении А.Н. Толстого яркой характеристикой не понимаемого писателем человека, в речи которого оно обнаружено, по сути обозначает приемлемый автором романа образ жизни тех, кто ведёт себя в жизни так, как подобает *большевику*. Писатель, в отличие от либерального интеллигента, точно знает, что расстрелы, всё равно за что, за спекуляцию или за что-то другое, в годы гражданской войны, к сожалению, и в среде красных, и в среде белых, как же горько, – дело обыденное и даже частотное. Представленный в романе гражданин, скорее всего, уверен, что самый лучший способ борьбы со сложившимся тяжёлым положением в стране – это уехать куда подальше и ни о чём уже не думать, полагая, что он, мужчина, здесь не при чём, что жить так позволительно. Суффикс *-иц-* (-а в существительном *большевизия* способствует возможности мотивировать это образование и по форме, и по значению, т.е., одним словом, связывать его в таком плане со словом *большевик* или с устаревшим уже в те времена словом *большевикст*, выводя анализируемое новое слово в разряд элимантемы, заполнившей словообразовательного толка лакуны структур с суффиксами *-ик* или *-ист*.

Обращают на себя особое внимание конструкции, находящиеся на стыке между в традиционном понимании формой слова и собственно самостоятельным словом, образованные в том числе не в соответствии, а то и с нарушениями общих правил русского формо- и словообразования. В таком аспекте пригодны для анализа встречаемые в романе краткие формы причастий и прилагательных и прилагательные в простой сравнительной степени. Мы исходим из того, что найденные нами в произведении такие конструкции вкуче можно считать «своего рода маркерами некоторой сферы общественных отношений и, вместе с тем, определённого стиля жизни» [Норман 2014: 19]. Более того, на наш взгляд, очевидно, что «содержание синтаксических конструкций проецируется на «отстоявший опыт» человека, на систему окружающих его реалий» [Норман 2014: 19].

В безусловно предикативной функции явлены у А.Н. Толстого краткие формы *дымно, голо, кряжист, крикано, рывано, подл, мокры, лют, люта, переорганизована* и др. Краткие формы *крикано* и *рывано* демонстрируют свою необычность тем, что могут считаться обра-

зованными от несуществующих, т.е. по существу трудно допустимых в русском языке страдательных причастий прошедшего времени несовершенного вида в полной форме, скажем так, *криканный* и *рваный*, трудно допустимых в самую первую очередь именно потому, что являются они образованиями несовершенного вида. Это с одной стороны. С другой стороны, необычность их укрепляется и тут же устраняется тем, что сконструированы они А.Н. Толстым тогда, когда писатель в конце романа рассказывает, как реагировали моряки на надвигающуюся несправедливость и, вместе с тем, неизбежность – затопление собственными руками кораблей Черноморского флота в известные трагические дни вражды между Россией и Германией. Писатель повествует, что не могли моряки «спокойно решиться на самоуничтожение. Много было *крикано* исступленных слов, бито себя в грудь, *рывано* тельников на татуированных грудях, растоптано фуражек с ленточками...» В конечном счёте выходит, что анализируемые краткие причастные формы *крикано* и *рывано* образованы «чересступенчато», минуя стадию полных форм, от по сути виртуальных, т.е. как бы возможных полных страдательных причастий прошедшего времени несовершенного вида. Разговорный характер этих конструкций допускает трансформации их лексической структуры читателем и выводит понятную, мотивированную невозможность их конструирования, существования в художественной речи не столь обязательной, непреодолимой, чтобы уж совсем их в ней исключать. Противодействия их структурированию таким образом, пусть и с некоторым «надрывом», но преодолимы, а поэтому и преодолены».

Крайне любопытное прилагательное *лютый* и, что особенно важно, произведенные от него формы и самостоятельные слова, популярны в романе у А.Н. Толстого. В словаре Д.Н. Ушакова языковая единица *лютый* обозначена с пометой «книжн. поэт.» и во всех своих четырех значениях допускает образование от неё кратких форм типа «*лют, люта, люто*». В нём слово в четвёртом, последнем значении «*рьян, неудержим, горазд*» имеет пояснения, что у него допустить «только кратк. формы, в знач. сказуемого» и является оно образованием просторечным. Именно в таком качестве краткая форма *люта* встречается в повествовании А.Н. Толстого. Время, сложное и трагическое, в сути своей по этой причине сделало востребованным для полноты и глубины его понимания и описания повышенный к нему интерес.

Судьба женщины в смутные времена в творчестве А.Н. Толстого, как известно, – особая тема. Рассказывая в романе в деталях вернув-

шемуся в родное село с войны Семёну Красильникову о том, как нелегко жилось одной, без него в эти годы его жене Матрёне, брат Алексей с опорой на подвернувшееся к месту прилагательное *лютый* в краткой форме вещает: «Матрёна твоя очень *люта* до хозяйства. Ни один базарный день не пропускает...». Необычность слова не только в невысокой его частотности, в т.ч. в художественной речи, тем более, в краткой форме, а и в том, что семантическая структура прилагательного несколько трансформируется «при встрече» с конкретным текстом. В самом деле, по-видимому, сочетание слов «*люта до хозяйства*» не в полной мере означает, что женщина до него «неудержима», «*рьяна*» или даже «*горазда*». Краткая форма *люта* здесь – это структура, являющая в итоге заметные переосмысления базового прилагательного *лютый*, позволяя оценивать её одновременно и в качестве формы полного прилагательного, и в качестве собственно самостоятельного слова.

Несколько иначе выглядит в романе прилагательное *лют*, как видно, в форме мужского рода, в другом примере. В нём слово в основе своей предложено, скорее всего, в обыденном первом значении «свирепый, кровожадный, хищный», известном словарю и допускающем в конкретных случаях краткие формы. Так вот, по поводу контекста. А.Н. Толстого будоражит, что четыре года войны седлали из людей такое, что ещё некоторое время тому назад и предположить было бы невозможно. Повествуя о жестокой расправе над «хилым человеком в разодранной на груди куртке из байкового одеяла», пусть и укравшим у некой женщины деньги, писатель устами Семёна Красильникова негодует: «...убили зря. Бабы эти кого хочешь растроят. Не так мужик *лют*, как они. Что с ними сделалось за четыре года – не поверите! Вернулись мы с войны, смотрим – другие бабы стали». Необычность прилагательного в этом, как, впрочем, и других его значениях, следует видеть, прежде всего, в том, что частотность его употреблений в контекстах в принципе невысока. Нам же интересно и другое. Раз слово не частотное, контекст должен быть особым образом подготовлен к тому, чтобы оно в нём появилось. Влияния его на такого рода образования приводят к тому, что приобретают они в результате смыслы, включенные в них исключительно волей и талантом автора художественного произведения, глубинно не предусмотренные данными, в т.ч. словарных источников, т.е. по сути почти в основе своей только данными времени. Получается, что *лют* в романе А.Н. Толстого – это совсем не то же самое, что краткая форма прилагательного *лютый* в словаре Д.Н. Ушакова в даже

первом, как мы уже оговаривали, значении. Необычность обнаруженной в романе А.Н. Толстого структуры *лют* видится и в том, что она трансформирована контекстом настолько, что, как минимум, не в окончательно полном объёме соотносится с содержанием однокоренных образований из словаря Д.Н. Ушакова.

Отсутствует в названном словаре потенциальный глагол *залиютеть*. Его отсутствие означает необычность встреченного в произведении писателя действительного причастия прошедшего времени *залиотевший*, означает, что произведено новообразование, глагольная форма чересступенчато, т.е. с опорой, а по сути минуя стадию глагола. Причастие в романе А.Н. Толстого призвано обозначить состояние попавшего в лазарет после ранения в бою в грудь матроса Семёна Красильникова, которого приехал навестить и забрать домой в село его брат Алексей. Вспоминая зверства белых, нанизанные на *мародёрства*, Семён Красильников не готов «крестьянствовать», жаждет мести, согласившись съездить домой на *побъевку* подлечиться, выдавливая из себя: «Раны я своей не могу забыть... не могу забыть, как они товарищей истязали... (Он обернулся к окошку с той же судорогой и глядел *залиотевшими* глазами)». Потенциальный глагол *залиютеть*, таким образом, как формообразующая база для причастия в случае необходимости, судя по всему, обрёл бы в толковом словаре значение «стать *лютым*», допуская многообразие его толкований последнего слова.

Связан с виртуальным глаголом *залиютеть* также отсутствующий в словаре Д.Н. Ушакова глагол *лютеть*, но, тем не менее, ни один раз встречаемый в анализируемом художественном произведении. Вместе с тем, не исключено, что возможное *залиютеть* – образование не непосредственно от глагола *лютеть*. Сконструирована приставочная структура, по-видимому, суффиксально-префиксальным способом от прилагательного *лютый* – при посредстве суффикса *-е-* и приставки *за-*. В глаголе *лютеть* с этих позиций *-е-* также реальный словообразовательный суффикс, а не так называемая тематическая гласная, утратившая уже свою когда-то собственно словообразующую сущность, как в случаях со словами, например, *велеть*, *тереть*, *хотеть* и мн. другими. Аналогами для структурирования глагола из произведения А.Н. Толстого будут, наверное, инфинитивы типа *глупеть* (становиться *глупым*), *синеть* (становиться *синим*) или *черстветь* (становиться *чёрствым*). В содержании анализируемого глагола акцент выведен на то, что *лютеть* (становиться *лютым*) – это процесс, который можно наблюдать не в статике, а в реальных динамических про-

явлениях, которые читатель может оценивать, исходя из своего личного опыта, исходя из особенностей своего бытия, своей специфики, в т.ч. мировоззренческого порядка. Важно, что с именно пониманием причин для такого поведения человека А.Н. Толстой использует в романе глагол *лютесть*. Писателю невыносимо горько, что в таком состоянии часто пребывают противоборствующие стороны в годы братоубийственной, в значительной мере искусно и искусственно организованной гражданской войны. Понимая глубинную суть происходящего, в своих описаниях и размышлениях он на стороне красных. В начале и конце романа, что не случайно, мы наталкиваемся на глагол *лютесть*. В обоих случаях это протест, обозначение ненависти к тем, кто спровоцировал и ратует за продолжение убийств во благо власть предержащих. Рассказывая об одном из митингов протеста против бойни, на котором был и Семён Красильников, А.Н. Толстой сообщает: «Братва» на митингах, лютеела от ненависти... Тысячу лет обманывали русский народ... Глаза открылись: вот отчего жили хуже скотов... Вот где враг...!» В другом случае, в рассуждениях по почти схожему поводу, дабы подчеркнуть нетерпимость происходящего, писатель опять-таки прибегает к помощи новообразования *лютесть*. Повествуя о трудностях борьбы с внешним врагом, т.е. с немцами, и войсками белого генерала Деникина, о неразберихе в рядах командования красных, о неком, достаточно безалаберном их командарме Сорокине, писатель информирует читателя: «Тридцатитысячная группа Сорокина очищалась от всего небоеспособного, подтягивалась и *лютеела*». Получается что *лютеела* – это и отвратительно, и очень важно, чтобы победить, и победа будет, если означенный процесс завершится в обязательно необходимом для её достижения объёме.

Исходя из того, что роман «Восемнадцатый год» – неотъемлемая составляющая трилогии «Хождение по мукам», мы приходим к выводу, что в этом качестве анализируемое произведение проявляет себя как художественный текст о путях русской интеллигенции к Октябрьской революции или к октябрьскому перевороту, – как угодно. В связи с грядущим в 2017 году столетием со дня рождения этого события в России важно понимать, как случилось это страшное действо в те дни и несколько позже, какова роль воли отдельного человека в важных и важнейших общественных движениях эпохи, куда и как движется история, что ждёт нашу любимую страну сегодня, если не прислушаться, не услышать предостережения А.Н. Толстого, связанные с тем, что претерпевает российское общество в настоящее время. Об-

разы войны – митинги, густо представленные в романе, в нашем сегодняшнем бытии приобретают особую социальную заострѐнность, пропитанную ядом философии расточения. На обозначение глубинных особенностей этой философии и описание путей противодействия ей направлены многие обнаруженные в повествовании А.Н. Толстого так называемые необычные слова и формы слов.

Библиографический список

1. *Манаенко Г.Н.* Событие – факт – оценка // Язык. Текст. Дискурс. 2014. № 12-1. С. 64 – 73.
2. *Норман Б.Ю.* О дискурсивной обусловленности грамматики// Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2014. С. 18 – 19.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Издание 23-е, стереотипное. М. 1990.
4. *Русская грамматика.* – М., 1980, Т.1.
5. *Толстой А.Н.* Хождение по мукам. Трилогия. Книга первая и вторая. – М., 1957.
6. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. – М.,1994, Т.1-4.

V.N. Ryabov

UNUSUAL WORDS AND FORMS OF WORDS IN THE SECOND BOOK “THE EIGHTEENTH YEAR” OF THE TRILOGY OF A.N. TOLSTOY “THE ORDEAL”

Abstract. Unusual forms of words and unusual words helped the author of the novel to represent as the object description not only the fates of the characters but also the historical events of the Civil War in Russia, the great and terrible 1918, in fact the social cataclysm of the epoch. The interest of this epoch is justifiable. It is rather evidently related to what is going on in our country and in the whole world- almost one hundred years late.

Key words: unusual forms of words, unusual words, lacuna, elimanthemes, word-formation.